

АЛЕКСАНДРА КУЗНЕЦОВА

ДЕТИ
СТАЛИ И ТУМАНА

Александра Кузнецова

Дети Стали и Тумана

<https://litres.ru/74690742>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда-то магия была обыденностью. Она исчезла - и мир научился жить без неё.

Прошли десятилетия. На смену заклинаниям пришли паровые машины, электричество и телефон. О магии напоминают только легенды - но что, если она все еще живет в крови тех, кто никогда о ней не просил?

Пятнадцать лет назад семья Эйдернави была уничтожена. Пятеро детей выжили, но пошли каждый своим путем. Невилл - наёмник, который ненавидит свой дар целителя. Агния - дипломат, читающая чужие мысли через прикосновение. Теодор - учёный, который не помнит своего прошлого, но чувствует его в кошмарах. Леонард - старший, который пытается собрать их вместе.

А где-то рядом - Ноа. Тот, кто умеет управлять чужой памятью. Тот, кого считали погибшим. Тот, кто вернулся.

Они не знают, что их ищут. Но они уже найдены.

Эта история - о мире, который выбрал технологии, и о семье, которая выбрала выжить.

Содержание

Глава 1. Тот, кто привык сбегать	4
Глава 2. Блеск и ложь	38
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Александра Кузнецова

Дети Стали и Тумана

Глава 1. Тот, кто привык сбегать

Наемник

Он знал, что убежать не удастся – они найдут его, где угодно. Но такова человеческая натура: она противится голосу разума, даже когда нет выхода.

И поэтому Невилл Найт, наемник, плут, беспринципный негодяй, продолжал бежать. И надеяться, что его не поймают.

У него было преимущество: город он знал, как свои пять пальцев. Знал тайные тропы, закоулки и дворы, знал, где сможет затаиться и сбить преследователей со следа; и только благодаря этому знанию он все еще был свободен.

Но эти люди были слишком могущественны, слишком заинтересованы в его поимке – и Невилл понимал: они добьются своего.

Рано или поздно.

Стояла поздняя осень, которая здесь, в Оласе, самом южном городе Домана, проявлялась в повышенной влажности, духоте и слякоти. Дожди лили, не переставая, и вскоре все улицы города превратились в месиво. Брусчатка скрылась

под слоем грязи, несмотря на то что по приказу мэра каждую неделю уборщики собирали воду жестяными черпаками, чистили каменные тротуары жесткими щетками.

Невилл упрямо шлепал по лужам, подняв воротник пальто и пониже опустив поля шляпы – так, чтобы его лицо невозможно было разглядеть. Старые ботинки давно впустили в себя влагу, и он, в который раз, клятвенно обещал себе купить новые – и прекрасно понимал, что в очередной раз обманет сам себя и спустит все деньги на легкомысленных дамочек и алкоголь.

Удовольствие для него всегда было превыше практичности.

– Куда прешь! – прошипел прохожий, которого Невилл случайно задел плечом. Тот поднял руки, словно извиняясь, но прохожий уже ушел, бормоча ругательства.

Когда он обнаружит пропажу кошелька – ругательств станет еще больше.

Невилл продолжал лавировать по улицам. Внешне он выглядел абсолютно спокойным – однако на самом деле он ни на миг не переставал анализировать окружающую обстановку. Взгляд цепко шарил по многоэтажным домам с толсто выбеленными стенами и причудливыми рисунками, куда более сочно выглядевшими в сухие летние деньки; по лицам прохожих, спешащих убраться с улиц до того, как их одежда полностью пропитается меркой ледяной моросью; взгляд то и дело цепляется за развешанные по всему городу плака-

ты – единственное яркое пятно: вечером ожидался большой праздник на площади Мира, центральной площади города, посвященной трехсотлетию основания Домана. На плакате, слащаво улыбаясь, кружились в причудливом хороводе десять прекрасных дев. У каждой на груди – герб одного из Десяти городов, составляющих мощь страны.

Невилл задержал взгляд на одной из девиц, с вышитой на платье рыбы, пытающейся поймать собственный хвост.

Она символизировала Олас. Вот только этот город и вполнину не был так красив и безмятежен, как пытался символически передать неведомый художник.

Олас считался курортным городом. Из-за своей близости к морю, жаркого лета и мягкой зимы многие жители Домана – да и других стран тоже – безумно любили проводить здесь отпуск. Город процветал из-за туризма, да и местные жители выживали за счет приезжих; в горячие сезоны можно было сколотить приличное состояние, просто сдавая комнаты.

Невилл безумно любил этот город. Даже таким, как сейчас – с улицами, покрытыми грязью и гниющей листвой, мрачный, нелюдимый – он считал его по-настоящему своим. Он всегда возвращался сюда после работы, залегал на дно, если полиция садилась на хвост, отдыхал, зализывал раны. И поэтому меньше всего он ожидал, что Неделя выйдет на него именно здесь, в городе, который он считал оплотом безопасности.

Нехорошее предчувствие толкнуло Невилла в грудь; муж-

чина прислонился к стене, делая вид, что читает газету, на деле же продолжая осматриваться.

По дороге, грохоча и разбрызгивая лужи, проехал очередной омнибус. Стоило ему скрыться, как Невилл заметил на противоположной стороне улицы знакомую фигуру, с ног до головы укутанную в черное.

Нашли.

Невилл с трудом подавил в себе желание бежать: его наверняка уже заметили, и так же, как и он, наблюдают, выжидая его следующего шага.

Невилл прищурился. Судя по телосложению, его преследователь – женщина. Он уже довольно неплохо разобрался в организации своих противников, знал, кто за что отвечает. Поэтому сейчас, поняв, кто именно прислан по его душу, почувствовал легкое разочарование.

Суббота. Главная ищейка Недели, безжалостной организации, чьей основной задачей было следить за магами, наказывать их за нарушения, регистрировать и фиксировать их дары.

Невилл давно перестал задаваться вопросом: что нужно Неделе от него, простого наемника, который ни разу не выдавал своих магических способностей, никому о них не рассказывал и даже не использовал? Он мог быть интересен только полицейским, но никак не полумифической организации, которая давно должна была прекратить свое существование вместе с пропавшей из мира магией.

Однако же – вот она, Суббота; и, видимо, они прекрасно осведомлены, кем является Невилл Найт на самом деле.

Проехал очередной омнибус; воспользовавшись моментом, Невилл скользнул в узкий, провонявший нечистотами и ржавым металлом проулок.

Снова бежать.

Он стремительно неся по улицам, резко меняя маршруты, избегая шумных центральных улиц; пару раз пытался воспользоваться общественным транспортом, но именно в такие моменты Суббота неизменно появлялась в зоне видимости, словно только того и ожидала.

Невилл начинал испытывать раздражение. Темнело, хотелось есть, принять душ и высушить вымокшую одежду; но он не был дураком, и не собирался вести ее к своей квартире!

А значит, следовало оторваться.

Резко повернув, он оказался напрямиком на Лайн-стрит, центральной улице, ведущей напрямиком к площади Мира и мэрии. Народу здесь было побольше – сновали прохожие, ругались рабочие, заканчивающие последние приготовления к празднику, скрипели колеса автомобилей и омнибусов.

Здесь было светло, пахло печеными яблоками и выпечкой. Здесь хотелось жить.

Невиил глубоко вздохнул. Уходить отсюда не хотелось; но он буквально кожей чувствовал на себе пристальное внимание.

К тому же предательски начинало покалывать кончики

пальцев – как всегда, в местах скопления людей, его дар пытался прорваться наружу.

Поплотнее запахнув пальто, он устремился дальше.

***

Она настигла его в переулке. Здесь было тихо и темно – газовые фонари еще не включали.

Скорее всего, она специально выбрала такое место – без свидетелей.

– Ну, здравствуй, Невилл.

Ее лицо было скрыто капюшоном и черным шарфом, так, чтобы были видны только глаза.

Невилл постарался придать себе равнодушный вид.

– Догнала все-таки. Здравствуй, Суббота.

– Ты меня знаешь? – удивилась она.

Наемник пожал плечами.

– Ты меня тоже знаешь.

Он переступил с ноги на ногу. Наемник чувствовал присутствие других – за своей спиной, впереди, возможно, кто-то даже следил из окон.

Разумеется. В Неделе работают не дураки: кто бы отпустил лучшую ищейку одну?

Суббота склонила голову набок. Казалось, ситуация ее забавляет.

– Ну и заставил ты меня побегать. Похвально. Я даже

немного пожалела, когда удалось загнать тебя в тупик.

Невилл усмехнулся:

– Кто тебе сказал, что я в тупике?

– Ты окружен, – спокойно заметила она. – Все выходы перекрыты. Так что лучше сдавайся, Невилл Найт... Или лучше – Невилл Эйдернави?

Невилл стиснул зубы.

Вот все и прояснилось. Они искали не наемника Невилла Найта – они искали мага Невилла Эйдернави, одного из последних обладателей дара в мире.

Он почувствовал досаду. Они не должны были его найти – он прекрасно заметал следы, не общался с братьями и сестрой, в конце концов, Ноа же позаботился о том, чтобы никто не смог их найти – как же его раскрыли?

Но даже так... он должен сохранить хорошую мину при плохой игре.

– Я не понимаю, о чем ты.

Его голос был спокоен. Рука в кармане судорожно сжала рукоять револьвера.

Суббота хмыкнула. Она стояла неподвижно, на наемника смотрела спокойно, с насмешливым интересом.

– Ты проиграл, Невилл. – промурлыкала она. – Мы все знаем. И про тебя, и про твоих милых родственничков.

«Как же вы тогда Леонарда проморгали?». Невилл нахмурился, размышляя.

Была вероятность – крошечная, как сама надежда – что

Суббота блефует. Невилл не общался с родственниками – но слышал об успехах своего брата. Если бы Неделя знала о его даре – разве не его бы схватили самым первым?

А может, уже схватили...

Пока он размышлял, Суббота продолжала:

– Тебе совершенно нечего бояться. Мы не хотим причинить тебе зла – и твоим близким тоже. Просто поговорим. Зафиксируем ваши дары.

– Какие дары? – Притворно изумился Невилл. – Ты думаешь, я маг? Да ты бредишь. Тебя в поезде, что ли, укачало?

– Невилл, Невилл... – Суббота с сожалением покачала головой. – Прекрати. Твои попытки скрыться лишь доказывают, что мы правы, разве не очевидно?

– Мой род деятельности подразумевает конфронтацию с властью имущими. – пожал плечами Невилл. – А вы вполне могли сменить сферу деятельности – после того, как магии и магов не стало.

Суббота осторожно шагнула вперед, сокращая расстояние между ними.

– Так ли и не стало? – вкрадчиво спросила она.

В ее голосе слышалась неприкрытая угроза. Вместе с этим Невилл почувствовал движение позади себя – кажется ее люди готовились к нападению.

Медлить больше было нельзя. Он рванул вперед, на ходу вытаскивая оружие; Суббота успела среагировать, но Невилл одним ловким движением выбил револьвер из ее рук. Миг –

и он схватил ее за горло, револьвер – приставлен к виску.
– Стоять! – гаркнул он.

Противников было двое – по крайней мере, тех, что он видел. Крупные мужчины в неприметной одежде, с котелками на головах – они послушно замерли.

Невилл попятился назад, продолжая прижимать к себе заложницу. Суббота не сопротивлялась – кажется, происходящее ее только забавляло.

– Скажи своим, чтобы выпустили нас, – прошипел Невилл, сжимая ее горло. Та послушно выполнила приказ.

– Тебе не сбежать, Эйдернави, – спокойно сказала она. – Лучше просто сдайся.

– Черта с два, – рыкнул Невилл. Вдалеке послышался лязг подъезжающего к соседней улице омнибуса. – Я вообще не понимаю, о чем ты говоришь. Скажи своему начальнику – кто там тебя послал, Понедельник, Вторник? – что вы взяли ложный след.

Суббота провела пальцем по его руке – почти нежно, почти игриво.

– Мы никогда не ошибаемся.

Невилл резко развернул женщину к себе, дернул темную ткань, открывая ее лицо.

Она улыбалась. Суббота оказалась довольно молодой, может быть, ненамного старше самого Невилла. У нее было узкое худое лицо, прямой нос, тонкие губы; темные карие глаза глядели на него со смешинкой, с вызовом – словно проверя-

ли, на что еще он пойдет, чтобы убежать от нее.

– Нравлюсь? – Прямо спросила она.

Невилл покачал головой.

– Теперь я знаю врага в лицо.

Показался омнибус; Невилл резко оттолкнул ее.

– И поверь: ты не хочешь знать, что я сделаю с тобой, если ты опять встретишься мне на пути.

Одним махом он покинул переулок, в последний момент уцепился за металлический поручень на задней площадке омнибуса, и повис на нижней ступеньке. Взгляд не отрывался от суетящихся в переулке фигур, склонившихся над упавшей Субботой.

Попыток догнать его они, кажется, больше не предпринимали.

***

Оторвался ли он от Недели? Невилл не мог быть в этом уверен. Вряд ли Суббота так просто выпустит добычу из когтей.

Невилл хмыкнул, вспоминая их короткую стычку. Да уж, эта дама – интересная штука; если бы не обстоятельства их встречи, то они, быть может...

Невилл тряхнул головой, отгоняя крамольные мысли. Она враг. И больше ничего.

Эта встреча пробудила в нем старый, давно забытый

страх: страх разоблачения.

Неделя знала, что дети семьи Эйдернави живы. Откуда-то они знали, что они обладают дарами.

Кто мог их сдать? Невиллу не давала покоя эта мысль.

Своих братьев и сестру он не видел уже пятнадцать лет – с тех самых пор, как их семья прекратила существовать. Первое время с ним пытались связаться – Леонард даже лично приезжал к нему в приют – но Невилл не смог заставить себя даже просто поговорить со старшим братом.

Не после того события, что разделило его жизнь на «до» и «после».

И вот сейчас, спустя столько лет, его нашли. Раскрыли. Быть может, остальных уже...

Невилл похолодел, и поскорее отмел эту мысль.

Нет. Леонард бы этого не допустил. Он всегда оберегал их семью, и наверняка успел бы спасти их – и Агнию, И Ноа, и Теодора.

И даже, быть может, Невилла. Если бы тот позволил, конечно.

Тьма окончательно опустилась на город, скрыв все его недостатки и уродства. Фонари, весь день уродливо возвышавшиеся над людьми, распустились желтоватыми кругами, совсем немного разгоняя осеннюю хмарь. Где-то вдалеке звенела музыка, слышались веселые голоса – праздник начался.

А Невилл обнаружил вдруг себя сидящим в узком гряз-

ном тупике. Он прислонился спиной прямо к мусорному бачку, и лениво наблюдал, как две голодные крысы, совершенно не боясь человека, поедают плесневый кусок хлеба. Невилла отчего-то заворожила их шерстка, золотящаяся в свете, падающем из окна, их темные глазки-бусинки, лысые хвосты.

Зрелище было прекрасным и мерзким одновременно.

Он не знал, сколько просидел в этом тупике, но чувствовал, как затекли ноги и руки. Пошевелил пальцами, чувствуя неприятное покалывание, когда в них начала возвращаться жизнь.

Стоп.

Пальцы действительно покалывало, вот только вовсе не потому, что тело онемело от долгого сидения в одном положении. Невилл с трудом сдержал стон, вставая на ноги, окончательно потерявшие чувствительность от влажного холода.

Кажется, кому-то где-то рядом было плохо – а значит, ему придется валить отсюда.

Он сделал шаг – и замер.

Только теперь он заметил, что не он один облюбовал для себя это местечко. В углу, ссутулившись под влажной газетой, которая несколько не спасала от дождя, скрючился старик грязный настолько, что совершенно сливался цветом со стеной. Он был одет в одну рубаху и драные брюки, перевязанная бечевкой обувь знавала лучшие времена, длинные грязно-серые волосы и борода сбились в колтуны.

Но страшнее всего было его лицо, освещенное все тем же неярким светом окна. Оно было абсолютно безучастным, глаза пусты, словно он уже был мертв.

Но Невилл видел, как вздымается от рваного дыхания его грудь. И покалывающие пальцы безошибочно указывали: старик жив. И очень болен.

В этом и был его дар. Или, как Невилл сам думал – проклятие.

Он мог вылечить старика, забрать его болезнь. Он чувствовал, когда людям нужна была помощь: его пальцы начинало покалывать, если рядом оказывался раненный или больной.

Он мог забрать их боль себе. Испытать ее за них.

Невилл замер в нерешительности. Вдалеке звучала музыка, в доме, из окна которого лился свет, ругалась семейная пара, в куче мусора визгливо копошились крысы, а он все стоял, глядя на старика и борясь со своим внезапно проснувшимся чувством сострадания.

Наконец, он решился. Подойдя к старику, он опустился перед ним на корточки.

– Возьми. – он положил перед ним несколько купюр из сворованного ранее кошелька. – Здесь за углом есть ночлежка, а при ней – лечебница. Сходи туда, они помогут.

Старик не ответил, лишь слегка дрогнули его ресницы. Невилл терпеливо ждал. Наконец сухая рука потянулась вперед, сжала предложенные деньги.

– Спасибо, – просипел старик почти беззвучно.

Его глаза оставались такими же – безжизненными, мертвыми.

Невилл выпрямился. Помялся в нерешительности пару минут, прежде чем, наконец, покинуть тупик.

Помогать можно по-разному. Для этого совершенно не обязательно использовать магию.

***

Невилл, крадучись, прошмыгнул в свою комнату, только когда убедился: хвоста за ним нет. Кажется, Суббота решила ненадолго ослабить хватку – а может, решила сменить тактику.

Он устал настолько, что рухнул на кровать прямо в одежде. Однако сон так и не шел – мокрая одежда неприятно липла к телу, чешущемся от грязи. Недовольно бормоча ругательства, он все-таки заставил себя встать и отправиться в ванну.

Невиллу повезло снять эту квартирку – хозяин был совершенно равнодушен к тому, кто в ней проживает – платили бы деньги. К тому же наемник платил за год вперед. Несмотря на скромные размеры, здесь были все необходимые удобства: крошечная кухонька, ванная, и даже новомодный граммофон. Впрочем, Невилл не жаловал музыку.

Снова не было горячей воды – паровые котлы часто вы-

ходили из строя. Невилл чертыхнулся, в слепой надежде подергав кран в разные стороны. Ничего, только старая ржавая железка задрожала, выпустила из себя пару капель и опять затихла.

– А, пошли вы все! – Невилл от души дернул кран, и о тонкий металл душевой кабины застучали первые капли холодной воды.

Можно быть сколь угодно закаленным, смелым, да хоть бессмертным, но сколько ты выдержишь в ледяной воде?

Невиллу хватило пяти минут. Наскоро ополоснувшись, он вернулся в комнату, чтобы там уже надеть чистую одежду.

– Добрый вечер, – вежливо приветствовал его незванный гость.

Невилл не подал виду, но встреча была весьма комичной: он, без одежды, со струящейся с отросших волос водой, громко стучащей, в такт его зубам, по полу, и мужчина, которого просто не могло здесь быть.

Даже если бы в комнате находилась Неделя в полном составе, Невилл был бы менее удивлен. Как минимум потому, что, как ему было известно, его гость должен был находиться в столице, Форбине, служить старшим инспектором в полиции.

А как максимум – потому, что даже обнаженный, взлохмаченный Невилл гармоничнее вписывался в эту бедную обстановку, чем стоящий перед ним подтянутый мужчина в дорогой одежде и идеально, волосок к волоску, намазанной

прическе. С ужасными, подкрученными тонкими усиками.

Но Невилл был бы не Невилл, если бы выдал свои мысли.

– Добрый. – Не обращая внимания на незваного гостя, он уселся на корточки и начал рыться в ящике. Вода стекала прямо на лакированные туфли гостя, и тот, старательно пряча с лица брезгливость, пытался как можно незаметнее отодвинуться. Не выходило.

Размеров комнаты едва хватало, чтобы им не касаться локтями, не говоря уж о том, чтобы отодвинуться.

Продолжая игнорировать гостя, Невилл неторопливо оделся, сходил на кухню, заварил себе чаю. И, только усевшись с кружкой на низенький табурет у окна, он соблаговолил обратиться к гостю:

– Чем обязан, Вилл?

Тот поморщился:

– Прошу, не называй меня так.

– Как скажешь, Вилл. Что надо-то?

– Да ты... – начавший закипать гость осекся. Помолчав немного, он продолжил. – Зови меня Вильгельм, пожалуйста. Мне кажется, ты...

– А усы зачем?

Вопрос поставил мужчину в тупик.

– Что, прости?

Невилл закинул ноги на кровать, явно наслаждаясь происходящим. Вильгельм, стараясь не показывать брезгливости, отодвинулся.

– Усы. Вот эти три волосинки – это что, сейчас модно у вас в Форбине? Или это волосы твоего парня с...

– Да что ты пристал-то ко мне? – Вильгельм вспыхнул, не выдержав насмешливого выражения лица собеседника. – Что я тебе такого сделал, что ты ко мне так...

– Ты – ничего. Виноваты твои усы. Весь ты, конечно, тоже у меня в печенках сидишь, но в первую очередь усы.

Мужчины замерли, глядя в глаза друг другу: Невилл – с вызовом и с прекрасно читаемой ненавистью в серых глазах, Вильгельм беспомощно, сжимая и разжимая кулаки. Он первый и не выдержал:

– Слушай. Мне очень стыдно за то, что я тебя подставил. Но откуда мне было знать, что...

– Да что ты, Вилли. Не бери в голову. Подумаешь, я отсидел ни за что. Зато ты теперь, смотрю, в шоколаде, а я. ... ну... Не в шоколаде. – Невилл поставил кружку на пол, и скрестил руки на груди. – Ладно. У меня был тяжелый день, и ты не самая большая проблема на данный момент. У тебя минута чтобы меня заинтересовать. Время пошло.

Вильгельм поджал губы – но спорить не стал.

– Я пришел с новостями. От Леонарда Онтардо.

Невилл почувствовал облегчение.

«Значит, Суббота и правда блефовала. Отлично, одной проблемой меньше.».

– И что хочет твой ненаглядный начальник?

– Он передал тебе записку.

– С этого и надо было начинать. Ты наверняка прочитал, да? У тебя всегда была слабость лезть туда, куда не следует совать свои любопытные усишки.

Вильгельм не отреагировал. Из кармана аккуратно застегнутой на все пуговицы жилетки он достал плотный лист бумаги.

– Даже не в конверте. Ну точно – прочитал, шельмец.

– Невилл. Я попрошу тебя...

– Да прекрати. Куда девалось твое чувство юмора? Вы в полиции все такие, или работа на Лео тебя так подкосила?

Невилл выхватил из рук онемевшего от бессмысленной ярости инспектора записку. Раскрыл, быстро пробежался по строчкам, написанным знакомым мелким, убористым почерком.

«Невилл

Возвращайся. Он вернулся и ждет всех дома не позднее весны.

Л. Э.»

– Да уж. Он всегда отличался сдержанностью, твой дорогой начальник. – Невилл медленно разорвал записку на мелкие кусочки, положил на блюдце. Пошарив в карманах, извлек на свет измятый коробок спичек, поджег и внимательно проследил, как, синевато мерцая, бумага превращается в пепел.

– Он велел мне забрать тебя. И помочь добраться до имени Эйдернави.

Давно он не слышал это имя. А сегодня – уж слишком часто.

Невилл долго молчал, погружившись в свои мысли. Вильям не торопил его, нервно перешагивая с ноги на ногу – ждал ответа.

Записка была короткой, и для постороннего человека почти не имела смысла; но только не для Невилла.

Всего пара срок – и вот его жизнь разбита вдребезги, перевернута с ног на голову, как обнесенная ворами квартира.

Эти несколько строк, написанные острым тонким почерком, были сродни выстрелу в упор.

Они действительно обговаривали это, перед тем, как Ноа исчез. Он помог им всем, и попросил только одного: явиться на его зов, когда он вернется.

Невилл нахмурился. Сколько сейчас Ноа? Тридцать? А тогда было пятнадцать – совсем юнец, хотя тринадцатилетний Невилл все равно смотрел на брата, открыв рот.

Его дар был сильнее всех. Если бы не он, они бы никогда не смогли скрыться, начать новую жизнь под чужими именами. И выполнить одну единственную просьбу брата было меньшим, что они могли сделать.

Вот только...

Пятнадцать лет минуло. Невилл уже давно не считал себя частью семьи. Давно перестал использовать свой дар – пусть

и платил за это болезненными приступами.

Но это была его жизнь и его выбор. Ноа в нее совершенно не вписывался.

– Нам нужно выдвигаться. Путь предстоит неблизкий, – Вильгельм прочистил горло. – Леонард строго настаивал на том, чтобы мы достигли ва... поместья не позднее конца осени.

На этих словах Невилл словно очнулся.

– Серьезно?

– Невилл...

– А если я не хочу?

– Леонард знал, что ты можешь... взбрыкнуть. – Вильгельм явно чувствовал себя некомфортно. – Так что я пришел подготовленным.

– Ты не один. – Невилл не спрашивал – утверждал. Вильгельм лишь кивнул.

Дело принимало неприятный оборот.

Сначала Неделя, теперь – брат.

Как-то слишком много событий для одного дня.

– Значит, если я откажусь, ты меня запеленаешь, как котенка, и потащишь силой.

– Мне бы этого очень не хотелось, ты же знаешь...

– О, да, само собой. Только вот в чем проблема, друг: – Невилл вскочил так резко, что Вильгельм от неожиданности отшатнулся; в его руке, будто сам собой, появился револьвер – маленький, изящный, словно дамский; но Невилл знал: та-

кое оружие очень и очень кусачее.

Ему стало смешно – несмотря на обстоятельства:

– Вилли, ты, никак, меня боишься?

Тот понял, как глупо выглядит. Его губы дрогнули, словно складываясь в усмешку – но оружие он так и не опустил.

– Я знаю, на что ты способен. Ты не погнушаешься даже убийством, если тебе это будет выгодно, Невилл Найт. Или, лучше, Невилл Эйдернави?

– Не называй меня так!

– Но это твое имя, Нев. – Вильгельм, поднял руки, показывая, что не собирается стрелять. – Мы были друзьями когда-то, помнишь? Именно поэтому он отправил меня.

– Леонард мне не начальник.

– Но он твой брат.

Невилл хмыкнул. Гнев постепенно отступал, и в голове уже выстраивался план.

– Ладно. Пусть. Может, у нашего дорогого Лео и вправду возникли родственные чувства? Может, он соскучился по младшему братишке, а?

– Серьезно, Невилл, – Вильгельм обрадованно ухватился за соломинку. – Это поручение – моя попытка искупить перед тобой вину за прошлое. А для тебя – возможность повидаться с родными. Вы же не виделись с тех пор, как...

– Не продолжай, – прервал его Невилл. – Ладно, уломал, я согласен. В конце концов, до того, как ты стал полицейской ищейкой и не начал целовать в задницу Леонарда, мы с

тобой, вроде как, неплохо ладили. И даже работали вместе. Ладно, допустим, я тебе верю. Расскажи лучше, как ты меня нашел?

Вильгельм не сдержал вздоха облегчения.

– У нас свои агенты по всему Доману. Ты же не думал, что...

– Понял. Прекращай петь дифирамбы, пока я не проследился и не побежал к вам работать.

– Меня там ждет машина, нужно будет проехаться... тут недалеко. Потом пересядем на поезд, и...

– Ага, ага. – Невилл бесцеремонно толкнул его в сторону выхода. – Топай, заводи свою повозку, я буду через секунду.

Вильгельм оборачивался всю дорогу до двери, явно не веря наемнику. Едва хлопнула входная дверь, как с лица Невилла мигом сдуло саркастическую усмешку. Мужчина резко посерьезнел, кидаясь в комнату.

Слишком опасно. Он думал об этом, швыряя необходимые вещи в сумку. В Оласе становилось слишком опасно.

С одной стороны – Неделя. Они наверняка будут следить за ним. Приводить их к Леонарду – или, что еще хуже, к Ноа, – было смерти подобно.

Да и Ноа... Невилл был удивлен тому, сколь сильно все его нутро протестовало против встречи с братом.

А он, Невилл, привык доверять своему чутью.

Его квартира находилась в небольшом двухэтажном доме – даже не доме, бараке; внутренний двор никогда не освещался.

щался, что было так заманчиво для проведения сомнительных встреч. Или для побега – как, например, сейчас.

Прыжок, кувырок, легкий шелест сминаемых клумб – и вот он уже на ногах, оглядывается по сторонам.

В любом побеге главное – осторожность.

По счастью, или глупости, или по еще какой причине, но Вильгельм не подумал оцепить задний двор. Зато перед входом – Невилл увидел, аккуратно заглянув за угол дома – он насчитал около десятка констеблей, вооруженных до зубов.

Не будь так тревожно, Невилл, возможно, даже загордился бы – надо же, сколько внимания к его персоне!

Но времени было в обрез. Развернувшись, он осторожно, крадучись, направился в противоположную от Вильгельма и его ребят сторону. Благо совсем сгустившаяся темнота и черная одежда вкупе с черной шляпой надежно скрывала его от любых взглядов.

***

Дорога вывела его немного не туда, куда он хотел. Что-то было не так: никак не получалось сосредоточиться, мерещилось, что кто-то дышит ему в спину, к горлу подступала паника.

Он петлял, пытаясь сбросить вымышленных преследователей; пытался затеряться в толпе, а иногда – наоборот, подолгу замирал в проулках, ожидая, чтобы противник выдал

себя.

Он хотел покинуть город. Но странным стечением обстоятельств Невилл очутился в центре города.

На главной площади, там, где денно и ночью журчал золоченный фонарь – даже сейчас, глубокой осенью, ярко горели газовые фонари, играли незамысловатые песенки музыканты, веселилась молодежь – танцуя, выпивая, зажимая по углам.

Здесь было таклюдно, что затеряться не стоило труда. Кое-кто уже был пьян, горланил песни, с трудом попадая по струнам расстроенной гитары, кто-то танцевал.

Пробраться через такое столпотворение незамеченным само по себе представлялось трудновыполнимой задачей. Но и это было не самым страшным.

Все выходы с площади загораживали полицейские. Присутствовал даже шериф. Хотя этот факт объяснялся крутящимся рядом с ним Вильгельмом.

– Вот б... – выругался Невилл.

Сейчас его темная одежда делала только хуже – смешаться с яркой толпой будет тяжело. Назад идти не вариант – он был почти уверен, что по его следам уже вышли люди Вильгельма, и это вопрос времени, как скоро они наткнутся на него, спрятавшегося в подворотне.

И к тому же нельзя забывать о Неделе.

Кажется, на наемника сейчас охотится весь город.

Надо думать. Надо думать...

В глазах уже рябило от разноцветных одежд, улыбок танцующих людей. Невиллу стало немного завидно: глядя на их безмятежные лица, слыша их счастливый смех, он подумал о том, что никогда в жизни не был так же бездумно счастлив, как любой из находящихся на празднике.

Чертова кровь отняла у него возможность быть простым человеком – радоваться жизни, заниматься интересным, любимым, а главное – легальным делом; не будь он Эйдернави, не обладая этим дурацким даром – он прожил бы другую, более спокойную и счастливую жизнь.

Внезапно стало ужасно тоскливо.

Словно кто-то провел незримую черту между ним и другими, нормальными людьми, с нормальными проблемами, жизнями, тревогами и радостями. Защемило в сердце, и на краткий миг Невиллу показалось, что он совершенно один в какой-то крошечной, темной комнате, в которой ни клочка света, ни капли звука...

Сердце пропустило удар.

– Твою мать! – вновь не сдержался Невилл. Только очередного приступа не хватало...

Его проклятие дало о себе знать совершенно некстати.

Он знал; если не будет использовать магию – она будет вырываться из него вот такими, болезненными приступами. Знал, что может умереть; но он был упрям.

Он ненавидел свой дар, ненавидел магию, и поклялся никогда не использовать ее – даже во благо. За что и платил.

Ноги подкосились; он едва успел уцепиться за стену, чтобы не упасть. Сердце бешено стучало, а краски оласского вечера померкли, испарились, вслед за ними исчезли и звуки, оставив Невилла одного в темной непроницаемой коробке. Все исчезало, мир словно переставал существовать, и казалось, что он больше никогда в жизни не испытает ни радости, ни любви, ни даже грусти или гнева – ничего, кроме этой удушающей боли.

Болело все; органы словно скручивало, кости гудели, сердце стучало все быстрее. Казалось, еще минута – и его просто разорвет от напряжения. Человеческое сердце не способно выдерживать такие нагрузки.

«Давай, просто сделай это», – искушал его внутренний голос. – «Ты же знаешь, что это поможет. Зачем сопротивляешься? Просто используй то, что всегда было твоим...»

Невилл сполз по стене, не ощущая ничего, кроме безумной боли. Он словно горел изнутри; взгляд никак не фокусировался на окружении, но он чувствовал их всех – всех, кто был вокруг; он чувствовал их боль, видел их болезни, и понимал: та боль, которую он сейчас испытывает – это их боль, их страдания; его дар словно вытягивал из них болезни и заставлял его страдать, корчась от чужой боли.

– Эй, вы в порядке?

Этот голос – первое, что прорвалось сквозь пелену приступа. Невилла испуганно дернулся, но чья-то рука легла на его лоб.

– Да вы весь горите!

Ладонь была прохладной – и, удивительное дело, – ему словно стало легче.

Кто-то перешептывался вокруг, но слова пока не пробивались сквозь дурноту. Невилл с трудом открыл глаза.

Кажется, он все-таки упал. Девушка, сидящая на корточках над ним, смотрела обеспокоенно, напряженно.

Боль понемногу уходила. Может быть, эта девушка тоже обладает какой-то магией?

– Я в порядке. – Невилл поспешил встать, чтобы не привлекать лишнего внимания. Толпа вокруг постепенно расходилась, и вскоре рядом оказалась только она – та самая девушка.

Невилл украдкой осмотрелся. Кажется, его приступ привлек на так много внимания, как он боялся. Да и находились они чуть в стороне от общего празднества.

Повезло, что Вильгельм был достаточно далеко от него. Он бы наверняка обратил внимание.

– Пойдемте в парк, – предложила незнакомка. – На воздух. Тут слишком людно – мне и самой не по себе.

Все еще ослабленный после приступа, Невилл все-таки побрел за ней. Дурнота отступала, боль не прошла, но словно утихла, отдаваясь неприятными ноющими толчками по всему телу.

Они ступили в городской парк, располагающийся прямо в центре города, как островок природы в каменном мешке.

Здесь было тихо, малоллюдно – большая часть горожан продолжала веселиться на празднике.

Она проводила его до ближайшей лавки, отряхнула ее от опавших листьев.

– Как вы? Вам лучше?

Невилл долго молчал, прикрыв глаза и прислушиваясь к себе.

– Да, – наконец выдохнул он. – Благодарю.

Она улыбнулась – робко, словно сомневалась, что имеет на это право.

– Я Катарина, – представилась она, и Невилл, наконец, смог ее разглядеть.

Она была совсем юной – кажется, ей вряд ли больше восемнадцати. Одета аккуратно, но просто – в серую юбку и пальто, перетянутое широким поясом. На пшеничных кудрях – аккуратная круглая шляпка. Личико казалось маленьким, словно детским, с пухлыми губками и большими, широко раскрытыми зеленоватыми глазами, окутанными густыми ресницами.

Куколка, не иначе. И ведь не побоялась подойти к нему – страшному дядьке в поношенной одежде, похожему скорее на пьянчугу или бродягу, чем на кого-то, кто действительно заслуживает помощи.

– Вам, наверное, не следует оставаться здесь, со мной, – заметил он. – Такая юная леди – и одна на улице, еще и в компании сомнительного типа...

Она дернула плечами. Уголки губ слегка опустились.

– Не стоит судить по костюму, – заметила она. – Помощь требуется не только тем, кто разодет в шелка.

«Какая умница».

– К тому же, – продолжала она. – Откуда вам знать, что я – не более сомнительный тип, чем вы?

Невилл усмехнулся:

– Это уж вряд ли. Хорошо. Меня зовут Невилл.

– Приятно познакомиться. – Она помялась. – Вам уже лучше? Вы внезапно упали, затряслись. Я подумала, что у вас, возможно, эпилептический припадок.

– Вы врач?

– Что вы, нет. Просто много читала.

– Просто стало дурно. Там довольно душно, как вы сами мудро заметили. – Невилл взъерошил волосы, и только теперь понял, что где-то потерял шляпу. – Благодарю за помощь, мисс Катарина. Я, пожалуй, пойду.

Он уже встал, намереваясь уйти, как его остановил ее голос.

– Вы не спешите?

Вопрос застал его врасплох. Но девушка смотрела на него так прямо и открыто, такая мольба читалась в его взгляде, что он не смог просто уйти.

Он сел обратно. Катарина сидела, сжавшись, низко опустив голову, словно чего-то боялась.

Но чего? Не его же – иначе зачем ей было просить его

остаться?

– Я с удовольствием посижу с вами, мисс. – он помолчал немного. – Не против перейти на «ты»? Мне, честно говоря, так привычнее.

Она вскинула голову – и их лица вдруг оказались слишком близко друг к другу. Так близко, что он увидел карие крапинки в ее глазах, услышал аромат яблока от ее волос.

Кукла. Такие просто не могли существовать в действительности. Может быть, ее оживил какой-то маг сто лет назад, и теперь она ходит, неприкаянная, по ночным улицам Домана?

Где-то вдалеке бахнуло – начался праздничный салют. Катарина вздрогнула.

– Да, конечно, как вам... как тебе удобно.

Они долго молчали. Дождь, наконец, кончился, напитав воздух запахом влаги, сырых листьев, подбирающегося холода.

– Почему ты тут одна?

– Я... сирота. Живу тут, неподалеку, решила сходить на праздник. – она грустно усмехнулась. – Как выяснилось, я не очень люблю такие сборища. Я уже собиралась уходить, когда увидела тебя.

– Мало кто подошел бы к незнакомцу, корчащемуся на земле. Вдруг я специально разыгрывал спектакль, а сам бы стащил твои ценности? Или, что хуже... Совершил бы что-то более грязное?

Она даже не удивилась вопросу.

– Есть вещи похуже всего этого, – пожала она плечами.

– Ты странная.

– Я? А кто кричал от боли пол часа назад?

– Я... это не контролирую. А ты подошла по своей воле.

– Невилл пожал плечами. – Рисковая ты. Но спасибо.

– Не за что. – Она помолчала немного. – на площади сегодня было много полицейских – говорят, мэр поставил безопасность на празднике превыше всего.

Она говорила все это спокойным голосом, но Невилл нутром почуял: она что-то скрывает.

Черт возьми, неужели он опять попал в ловушку?

Но у нее была куча времени, чтобы схватить его, ослабленного приступом. Если она этого не сделала... Видимо, она не из Недели.

И даже не из полиции.

– Да, я тоже заметил, – аккуратно ответил он.

Катарина вздохнула.

– Я хотела сегодня уехать из Оласа. В Вестлинг. Но поезда отменили. – Она украдкой покосилась на него. – Не знаешь, можно ли как-то еще покинуть город?

Руки, одетые в плотные кожаные перчатки, сжали ручки небольшой сумочки.

Невилл взглянул на нее иначе. Одета аккуратно, неброско, на лице ни грамма косметики, никаких украшений. Серая плотная юбка из шерсти – самое то для путешествий.

Только саквояжа с необходимыми вещами не хватало. А в маленькую сумку вряд ли поместилось бы что-то еще, кроме документов и небольшой суммы денег, необходимой в путешествии.

– Ты знаешь, кто я. – Он не спрашивал – утверждал. Катарина вздрогнула. – И тебе что-то от меня надо. Я прав?

Она долго молчала – кажется, даже дыхание задержала. Невилл не торопил – он уже понял, кто перед ним.

– Да, – наконец, ответила она. – Я знаю, кто такой Невилл Найт. Но я не искала тебя специально, клянусь!

– Верю. – Он старался говорить мягко, спокойно. – Ты сбежала – от родителей? От мужа-негодяя? Не столь важно. И тебе нужен кто-то, кто поможет выбраться из города.

Она кивнула, избегая смотреть ему в глаза.

– Я слышала, ты можешь помочь. Я... Я заплачу! – торопливо продолжила она, увидев, что он собирается заговорить. – Как только приедем в Вестлинг. Я понимаю, что таким, как ты, нужна предоплата, но...

– Таким, как я?

Его голос оставался ровным, но Катарина осеклась и замолчала.

– Это каким?

Катарина прикусила губу.

– Прости, я...

– Дай угадаю, тебе говорили, что я за деньги возьмусь за любую работенку? Что для меня нет ничего невозможного,

если мне хорошо заплатить?

– Я...я...

– Брось. – Невилл вздохнул. – Отчасти это действительно правда.

Он размышлял, а она покорно ждала его решения. Совсем стемнело, и лишь фонарь освещал песчаные дорожки, влажные стволы деревьев; шумел ветер, а где-то вдалеке все еще гудел праздник.

Люди Оласа любили веселиться – и, видимо, не собирались останавливаться до самого рассвета.

Невилл ничего не слышал. События дня вдруг навалились на него.

Неделя, которой откуда-то известно, кто он такой.

Вильгельм, Леонард, и письмо о Ноа.

Эта таинственная девочка, с надеждой ожидающая, что же он решит.

Слишком много пошло наперекосяк за один день. Слишком резко все изменилось.

Невилл украдкой глянул на Катарину. Вздохнул, прикидывая.

Обычно после приступа он еще пару дней не мог даже шевельнуться. Еще никогда он так быстро не приходил в норму.

Она – маг? Или это совпадение?

Или он все-таки смог подавить в себе свой дар?

Вопросов было больше, чем ответов.

А Катарина все ждала. И хотя бы сейчас он знал, что дол-

жен ей ответить.

Глава 2. Блеск и ложь

Дипломат

Императорский дворец Завии был чудо, как хорош; а бальная зала превосходила роскошным убранством все, что Агния Далия видела в своей жизни.

Она была доманийским дипломатом, и посещать такие мероприятия было ее обязанностью – и плевать, что она с куда большим удовольствием прогулялась бы по улочкам Стольнограда, пообщалась с простыми жителями, а не с этой кучкой высокомерных аристократов, презрительно поджигающих губки при виде ее.

Да, она была дипломатом, и пользовалась благосклонностью императорской четы; но в глазах этих высокородных болванов она оставалась простушкой без роду и племени.

В глаза, конечно, ей никто ничего такого не говорил. В глаза ей все улыбались; не счесть было приглашений на чайные вечера, завтраки, обеды.

Но шепотки высшего света никогда не были для нее секретом.

Агния глубоко вздохнула, обмахиваясь веером. Жесткий корсет больно впивался в ребра, вынуждая держать спину излишне прямо; холодный шелк неприятно лип к телу.

Ей было холодно и душно, тоскливо и одиноко.

Но это было частью ее работы.

Согласно местным традициям, Агния уже прошла по залу, обменялась любезностями с аристократами – и теперь стояла у окна, с бокалом шампанского в руке, который, как она надеялась, спасет ее от многочисленных претендентов на танец, то и дело поглядывая на часы, прикидывая, когда можно будет покинуть мероприятие так, чтобы это выглядело приличным.

– Позвольте развеять вашу скуку, госпожа дипломат?

Агния с трудом сдержала на лице выражение вежливой благосклонности.

«А он хорош!» – невольно отметила она, разглядывая подошедшего поверх веера. Перед ней стоял незнакомый мужчина в парадном мундире – капитан, как заметила Агния, мельком взглянув на его погоны. Его светлые, как у многих завийцев, волосы резко контрастировали с темными густыми бровями, а нос с горбинкой придавал лицу скульптурную выразительность.

Да, он был безумно хорош собой. Полностью в ее вкусе.

– Это нечестно: вы, кажется, знаете меня, а я вас вижу впервые, – ответила она.

Он склонился в традиционном полупоклоне. Взгляд голубых глаз не отрывался от ее лица.

– Граф Дубовский. Захар.

– Агния Далия. Дипломат. Без титулов.

Он улыбнулся:

– Это хорошо. Титулы часто накладывают на нас ненужные обязательства.

– Странно слышать такое от графа.

– Ничего не поделать – дурная наследственность.

Агния улыбнулась, принимая шутку.

– Я вас раньше не видела. Недавно вернулись в столицу?

– Точно так. Я был на востоке.

– О.

Казалось, он уловил ее мысли:

– Да, война там в самом разгаре.

– Я слышала, Тивания не отступает?

– Увы. Но будьте спокойны: мы обязательно выиграем эту войну... Если, конечно, доманийской подданой есть до этого дело.

– Я, в первую очередь, человек, который хотел бы, чтобы в мире было как можно меньше насилия.

Захар тихо рассмеялся – и сменил тему. Он был обходителен и учтив; Агния поймала себя на мысли, что ей приятно проводить с ним время.

Мелодии сменялись, танцующие перетасовывались, как карты в колоде – а эти двое продолжали свою беседу. Агния поймала на себе несколько пристальных взглядов.

«Кажется, пора заканчивать. Это становится неприличным».

Захар, казалось, тоже это почувствовал. Зазвучала новая

песня – неторопливая, нежная мелодия, с преобладающим звучанием скрипки.

– Окажете ли вы мне честь?

Агния вздрогнула, уставившись на его протянутую ладонь так, словно это была ядовитая змея.

Но Захар уже покорила ее; поколебавшись, она вложила свою ладонь в его руку.

– Только один танец.

Он вывел ее в центр, где уже собрались другие пары. Одна рука легла на талию, аккуратно прижала к себе – чуть ближе, чем того требовали традиции.

Наклонившись к ее уху, он шепнул:

– Только если вы сами не захотите большего.

По ее спине пробежали мурашки от его голоса.

Захар был прекрасным танцором – он вел ее в танце легко, непринужденно продолжая отпускать остроумные замечания; и Агния, поколебавшись, решилась.

Она незаметно передвинула руку так, чтобы прикоснуться его шеи. Глубоко вдохнула – и пробудила магию.

Хорошо, что ее дар действовал только при непосредственном контакте – кожа к коже. Иначе, она была уверена, она сошла бы с ума от хаоса чужих мыслей.

Она увидела себя со стороны – глазами Захара. Отметила, что выглядит очень даже хорошо – ей шло это шелковое сиреневое платье, украшенное мелким темно-фиолетовым бисером, темные волосы, уложенные в сложную прическу (слу-

жанки потратили на нее битый час!), обрамляли худое лицо, на котором особенно выделялись серые глаза, глядящие чуть настороженно, серьезно и пытливо...

Она одернула себя. Заставила изменить выражение лица на более приличествующее обстановке – слегка улыбнулась, отвлекла его какой-то приятной глупостью. И наконец услышала:

«Она весьма хороша. Стоит познакомиться с ней поближе».

И – больше ничего. Никаких крамольных мыслей, какие она часто читала у других мужчин, ищущих ее общества; ничего подозрительного, компрометирующего.

Мужчина перед ней не хотел затащить ее в постель, не был шпионом, не пришел поглумиться: она просто ему понравилась.

Музыка закончилась, и они остановились, не спеша разъединять сомкнутых рук. Первой, как всегда, очнулась Агния.

Она отстранилась (мельком успев почувствовать его разочарование) и склонилась в легком поклоне.

– Благодарю за танец, граф.

Он ответил приличествующим поклоном.

– Это я должен благодарить.

Агния склонила голову набок, улыбаясь. Краем уха она слышала шепотки, явно адресованные ей – но она уже привыкла быть обсуждаемой фигурой, поэтому они ее совершенно не трогали.

– Доброй ночи.

Она развернулась, намереваясь покинуть бал. Время перевалило уже за полночь, и теперь она с чистой совестью могла его покинуть – написать отчет суровому господину Тетласу, ее непосредственному начальнику на этой дипломатической миссии, быть может, выпить немного вина и расслабиться у камина... Да, вино и камин. Прекрасный план на вечер.

План, которому не удалось претвориться в жизнь. Она не успела даже спуститься с лестницы к выходу, когда позади раздались гулкие торопливые шаги.

– Госпожа Далия!

Она обернулась. Захар смотрел на нее странно – так, словно сам не осознавал, что делает.

– Граф Дубовский? – Она приподняла бровь. – Вы что-то забыли?

Он спустился ниже, догоняя ее. В глазах – немой вопрос.

– Да. Нет. Простите, просто... – Он, кажется, слегка смутился. – Я подумал, что не прощу себе, если упущу шанс провести еще немного времени с самой прекрасной дамой этого вечера.

Агния улыбнулась, принимая комплимент. И внутренне порадовалась, что давно научилась контролировать эмоции: иначе уже бы пунцовела, как алая роза.

– Это очень мило, граф. Но меня утомил этот бал, и...

– Может быть, вы прогуляетесь со мной?

Вопрос застал ее врасплох.

– Простите?

Захар приблизился, практически нависая над ней. Она даже чувствовала тепло, исходящее от него; а его запах – терпкий, свежий, – окутал ее с головы до ног.

– Прогулка, – повторил он, глядя прямо ей в глаза. – ночной Стольноград на диво хорош. И я буду счастлив показать вам его.

Будет ли странным, если она коснется его руки – всего на миг, чтобы услышать его мысли? Понять, что скрывается за милой мордашкой? Агния сдержала себя. Здесь, в Завии, очень трепетно относились к личному пространству; Захар, конечно, очевидно заинтересован в ней; но где гарантия, что он не притворяется? Ее дар позволял ей считывать мысли – но не заглянуть в самую суть. Если Захар знал бы, что она может его прочесть – он смог бы подменить свои настоящие чувства.

«Прекрати, Агния, – одернула она себя. – В Завии никто не знает о твоём даре».

Пауза затягивалась; Захар терпеливо дожидался. Наконец, Агния вздохнула.

– Хорошо. Я согласна. Куда мы пойдем?

***

Стольноград стоял на четырех реках, и потому здесь бы-

ло великое множество каменных набережных, мостов и фонтанов. Реки были гордостью и символом города, и потому, по высочайшему императорскому указу, их чистили каждый сезон. Говорят, в реках можно было даже купаться – однако высший свет пренебрегал этой «плебейской» привычкой, предпочитая домашние купальни и бассейны; а вот простой люд с удовольствием нырял в прохладные воды в самую страшную жару; нередко можно было встретить на каменных ступенях и рыбаков.

Агния любила воду. Но, к сожалению, ее дипломатический статус не позволил бы ей, как простым стольноградцам, раздеться донага и окунуться в реку.

Они с Захаром неспешно прогуливались по набережной, освещенной неярким светом газовых ламп. Стояла осенняя прохладная ночь, и от знаменитого завийского холода не спасал даже тяжелый шерстяной плащ; на небо уже высыпали мириады звезд, оттеняя собой красоту кособокой луны с откусанным бочком.

Здесь было на удивление людно.

– Завийские аристократы предпочитают гулять до самого рассвета, – рассказывал Захар негромко. – А после спать до обеда. Но вы, наверно, уже обратили внимание, что все завтраки, на которые вас приглашали, начинаются не раньше двенадцати?

– Верно. Но я в Завии всего два месяца – еще не успела полностью оценить ваш менталитет.

Захар тихо рассмеялся. Агнии нравилось смотреть, как он смеется – он был один из немногих завийских аристократов, кто смеялся искренне, с душой, не стесняясь.

– Вы сами выбрали Завию?

– Нет, совсем нет. Я долгое время работала в западных странах; меня отозвали буквально полгода назад, и отправили сюда. Пришлось спешно собираться, я даже не успела ничего изучить.

– Но по-завийски вы говорите отменно.

Агния улыбнулась уголком губ.

– Благодарю. В университете изучала сразу несколько языков. Но иногда так хочется услышать родной доманский!

Захар помолчал немного – и продолжил уже по-домански:

– Понимаю. На востоке мне безумно не хватало родной завийской еды. Они там едят странное: острое, жирное – гадость.

– О. Вы прекрасно говорите на доманском.

– Мой прадед был из Домана. Потом познакомился с моей прабабкой, и влюбился без памяти. А она, говорят, была крутого нрава, и отказалась уезжать из Завии. Тогда прадед бросил все и приехал сюда.

– Как романтично.

– Не спорю. Я бывал у вас в Домане; признаться, ваш влажный климат мне тоже... не очень подходит.

– А в Завии, говорят, такие страшные зимы, что даже стекла трескаются, волосы смерзаются, и даже дышать тяжело –

воздух тут же смерзается в легких. – Агния передернула плечами – от воды ощутимо тянуло прохладой, а ее одежда явно не подходила для прогулок.

Захар остановился, засмотревшись на луну. Агния и сама замерла, любуясь ночной красавицей, серебристо мерцающей в отражении; в лунном свете дома на противоположной стороне реки казались игрушечными.

– Да, климат в Завии суров, – раздался голос Захара за ее спиной. – Но я вам обещаю: вы полюбите его, стоит вам увидеть первый снег.

На ее плечи опустилось что-то тяжелое; Агния вздрогнула от неожиданности, обернулась:

– Право, не стоило...

– Вы мерзнете, – просто сказал Захар. – И вскоре захотите пойти домой, в тепло. А мне бы хотелось как можно дольше наслаждаться вашим обществом.

Агния ничего не ответила, вдыхая носом его запах.

– Вы сами замерзнете, – заметила она, невольно любуясь им в рубашке.

Захар галантно подал ей руку.

– Ни в коем случае. Мы, солдаты, привычны к любой погоде.

– И вы вернетесь обратно? На восток?

– А вам бы этого не хотелось?

Агния стушевалась под его веселым взглядом.

– Вы меня смущаете.

– Не буду, – легко ответил Захар, увлекая ее дальше.

И луна следила за ними неусыпным оком, и вода шелестела, ударяясь о камень; иногда им попадались другие гуляющие компании, но темнота давала им возможность не здороваться, оставаясь незнанными.

И они говорили; о Домане, о дипломатической службе – и о войне, о жизни при дворе. Они говорили о книгах и музыке, о живописи; Захар рассказал ей о выставках, которые можно было посетить в этом сезоне, и взял с нее обещание непременно сходить на них. «Чтобы нам было, что обсуждать», – сказал он, и это было тонким намеком на будущие встречи.

«Что я делаю?». Агния чувствовала себя так, словно предавала саму себя. Но продолжала смеяться его шуткам, позволяла держать себя под руку, и даже быть с ней неприлично близко.

«Что бы сказал Тетлас, увидь он меня в такой компании? А что бы сказала матушка Илия, хозяйка дома сирот? Какой кошмар, как низко ты пала, Агния!».

На востоке тонкой полоской забрезжил рассвет, когда Захар проводил ее на Окольную улицу. Эта улица была полностью отдана под жилища для дипломатов; и здесь у Агнии был цел этаж в прекрасном старинном доме с высокими стенами, украшенными лепниной.

Они остановились у ворот, и впервые за всю ночь ни один из них не знал, что сказать.

Ему не хотелось ее отпускать; а ей, в свою очередь, не хотелось уходить.

Но – светало, и скоро проснутся слуги; и, если ее увидят в компании мужчины, будет большой скандал.

Захар склонил голову. Постепенно густая синяя ночь уступала место грязно-серому рассвету, и Агния смогла в этом неярком свете разглядеть его лицо – спокойное, слегка уставшее; ей вдруг подумалось, что он куда старше, чем показалось ей изначально.

– Благодарю за приятную прогулку, госпожа Далия.

Она улыбнулась ему.

– Это я должна благодарить вас.

Он вернул ей улыбку.

– Я надеюсь, мы с вами еще увидимся? – Он склонился, прикладываясь губами к ее руке. Перчатка слегка задралась, и ей удалось коснуться его запястья.

«Она прекрасна. Вот бы проснуться с ней в одной постели.».

Какое же счастье, что она умеет скрывать свои чувства.

«Ох, Захар... Не сегодня.».

– Кто знает? – туманно ответила она, отстраняясь. – Доброй ночи, граф.

***

Как и ожидалось, поспать ей не удалось.

Она едва успела умыться, сменить платье на домашнее и вытащить шпильки из высокой прически, когда в комнату поскреблась служанка. Пришлось изображать, что Агния только проснулась, и ответить на все вопросы касавшие завтрака, принять очередную партию записочек с приглашениями, позволить причесать себя и уложить волосы.

Хорошо еще, что в старинный особняк успели провести благо цивилизации – трубы с горячей водой; Агния смогла побыть немного в тишине, принимая горячую ванну.

А потом началась обычная каждодневная рутина, которая вытеснила на время из головы мысли о красавчике графе, о его веселых голубых глазах и привлекательном профиле.

Профессионал в ней ненадолго вытеснил женщину. Выпив бессовестное количество кофий, Агния взялась за работу.

Отчеты. Бесконечные отчеты – вот что составляло ее труды; она писала отчеты о каждом пройденном дне, посещенном мероприятии, переписывала отчеты коллег, подшивала их, чтобы потом, после обеда, отчитаться перед Тетласом, выслушать его брюзжание о том, что «женщина не может быть хорошим дипломатом», а вечером – отправиться на очередной прием, очередную встречу.

Агния привыкла к такому отношению. Женщины редко становились дипломатами; даже в Куви она была единственной девушкой на курсе. Правда, там ее однокурсники воспринимали ее спокойнее; пара вдумчивых разговоров – а она

всегда была подвешена на язык – и они быстро поняли, что к Агнии стоит относиться серьезно.

Она закончила университет с лучшими оценками; ей прочили большое будущее при королевском дворе. Все были уверены, что профессия дипломата для нее – блажь, и возможность для сироты без роду-племени выбиться в высшее общество.

Однако она смогла всех удивить. После получения диплома она попросилась в дипломатическую миссию – ей было не важно, куда, лишь бы не оставаться в Домане. Она долго работала в южных странах, где ее дважды чуть не украли, чтобы выдать замуж за богача; она переболела хворью, которой даже не было названия в доманском языке. И зарекомендовала себя, как отличный специалист.

Она умела найти общий язык с нищими южными царьками, договаривалась с чопорными северянами, и эти качества возвысили ее не как женщину, но как первостатейного дипломата. Ее ценили по достоинству; к своим тридцати она достигла невиданных высот, заработала денег, смогла купить небольшой дом не где-нибудь, а в самом сердце столицы – Королевском округе.

И вот теперь – ее отправили в Завию. В холодную страну, полную суровых жителей, привыкших к ледяным зимам, жарким летам, к людям, что с опаской относились не только к Доману, но и к другим странам тоже.

Доманская королева и завийский император совсем

недавно заключили союз, обменялись посольствами и начали сотрудничество и торговлю. Приехав в Завию, Агния с первых минут ощутила: доманийцы здесь – как забавные зверушки в зоопарке; очень мило пригласить такую к обеду, дабы развлекла праздной беседой, но воспринимать всерьез – нет, нет, и еще раз нет!

За эти два месяца Агния только с Захаром и почувствовала себя комфортно – впервые с тех пор, как покинула Доман.

Агния вздохнула, отодвинув откинувшись на спинку стула, с ненавистью глядя на печатную машинку. Глаза закрывались сами собой; тряхнув головой, она решительно встала, кое-как уложила отчет в сумку и торопливо заспешила вниз, прочь из особняка, в кафе, где можно было перекусить и выпить кофию.

И встретиться с вредным начальником.

Ей повезло: почти сразу ей попался омнибус, следующий как раз туда, куда ей было нужно. Расплатившись с кондуктором, Агния в который раз поразилась, как быстро технологии шагнули вперед; еще лет десять назад по улицам ездили кареты, запряженные лошадьми, а теперь она ехала в самоходной машине на пару.

Может быть, именно из-за такого резкого скачка магия и исчезла? Агния нахмурилась, отбрасывая эту мысль.

Какая теперь, в сущности, разница? Ее дар все равно бы не нашел практического применения. Хотя, можно было бы пойти в полицию, как Леонард, и с помощью чтения мыслей

раскалывать преступников...

Омнибус лихо вез своих пассажиров по улицам, изредка останавливаясь у выкрашенных в красное столбах – общепринятых остановках, а Агния бездумно любовалась прекрасными особняками, блестящими витринами магазинов, похожими на луковицы маковками церквей. Ей было тепло и спокойно; ветер приносил запахи нагретой осенним солнцем земли, металла, камня – максимально городские запахи, какие только можно было бы себе вообразить; а ей вспоминался другой запах – запах кожи и льда, угля и табака, которым пах мундир того мужчины, что взволновал ее сердце.

Омнибус затормозил у очередного столба. Агния торопливо вышла – и замерла, глядя вслед отъезжающей машине.

Нужна ли вообще магия, если люди своими руками создают такое?

***

В излюбленном Агнией ресторане было довольно шумно – наступило обеденное время. Агния успела узнать, что завийцы предпочитают обедать дома, но если место службы находилось далеко, то собирались группками и шли столоваться в подобные места.

Здесь кормили вкусно, готовили быстро, и лишних вопросов не задавали – что еще было желать?

Начальника Агния заметила сразу. Он спрятался в углу,

за столиком, наполовину скрытым за тяжелой портьерой.

Тетлас любил вкусно поесть – и, глядя на него, Агния всегда поражалась: куда все помещается в его тщедушное тельце? На тонкой шее болтался неизменный бант, из-за чего подчиненные в шутку сравнивали его с некормленной короной с колокольчиком на груди.

Сэр Эдвард Тетлас – глава дипломатической миссии в Завии. Очень важный, очень нервный, очень неприятный человек.

Но Агния уже привыкла к его вздорному характеру. И даже то, что он не забывал проходиться по ее полу, уже давно не трогало.

– Доброго дня, поприветствовала она, присаживаясь напротив.

Тетлас только кивнул. В приличном обществе от мужчины ожидали бы, что он встанет, поможет даме сесть – но ожидать этого от Тетласа не приходилось.

Агния заказала обед. Пожалуй, единственным плюсом начальника было правило: сначала еда, потом – дела. Поэтому обедали они в молчании; она старалась не встречаться с ним взглядом. Где-то на грани слышимости сипел граммофон, негромко переговаривались люди, стучали вилки и бокалы.

Наконец, с обедом было покончено, официант принес чашки. Агния почти залпом выпила свой кофий, в надежде, что это хоть немного поможет от желания свернуться кала-

чиком прямо здесь и вздремнуть.

Пока она наслаждалась напитком, Тетлас бегло пролистывал ее отчеты. Узкое лицо с бегающими глазками ничего не выражало. Наконец он захлопнул папку и откинулся на мягкую спинку.

Агния молчала. Надеюсь, что в этот раз обойдется без долгих нотаций.

– Ты ушла с бала с каким-то капитаном.

Эти слова застали ее врасплох; она с трудом сдержала невозмутимое лицо.

– Я пробывала на балу до полуночи.

Она не стала говорить прямо: по их негласным правилам, коих придерживались дипломаты, все рабочие вопросы решались до двенадцати часов. Все, что делал дипломат после – его личное дело; разумеется, это не казалось темных делишек, которые могли опорочить честное имя доманских послов.

Но, как Агния поняла за долгие годы службы, главное – чтобы тебя никто не видел за этими самыми темными делишками.

Тетлас, кажется, считал иначе.

– Ты не знаешь, кто это был? – его голос почти сорвался на тонкое блеяние. – Предки, кто же допустил в мою работу женщину!

– Я буду благодарна, если вы мне поясните, сэр Тетлас, – Агния старалась говорить как можно любезнее. – Я действи-

тельно ушла с бала в сопровождении графа Дубовского. Он любезно вызвался проводить меня до дома. Мы немного погуляли – но все было в рамках приличий, уверяю вас...

– Да плевать я хотел, чем вы там занимались – хоть бы и трахались, – грубо прервал ее Тетлас.

«И не посмотришь, что посвящен в рыцари. Язык бы вам с мылом промыть, сэр Эдвард.»

Начальник тем временем продолжал.

– Этот граф – потомок беженцев из Домана. И, скажем так, его отец очень долго выполнял для империи некую работу.

Агния почувствовала холодок, пробежавший по коже. Но виду не подала.

– Не понимаю, о чем вы, – спокойно ответила она.

Тетлас взглянул на нее так, будто она только что призналась в неумении пользоваться уборной.

– Да шпионил его отец, что непонятного? Он жил в Домане, и передавал информацию Завии. Потом его накрыли – и Завия весьма сильно за него просила; мы даже смогли весьма выгодно выменять его на наших людей. Один Дубовский против десятерых наших агентов – представляешь, что за фигура был его отец, если Завия пошла на это?

Агния аккуратно поставила чашку на блюде. Промокнула губы.

– При чем тут его сын?

Тетласа, кажется, взбесил ее спокойный голос.

– Ты правда не понимаешь? Или притворяешься?

– Вы хотите сказать, его сын мог пойти по стопам отца? – Агния покачала головой. – Даже если и так – я не сообщила ему ничего такого, что могло бы меня скомпрометировать. И не собираюсь сообщать в дальнейшем.

– Ты что же это, планируешь встречаться с ним и дальше? – Тетлас фыркнул. – Он, конечно, смазлив, но можно найти и другого мальчишку для утех.

Агния сжала зубы. Ладони заболели; она сама не заметила, как сильно сжала кулаки, лишь бы не сорваться на начальника.

– Я не собиралась...

– А знаешь что? – Тетлас вдруг просветлел лицом. На подчиненную он теперь смотрел иначе, почти с симпатией. – А давай. Закрути этого капитана.

– Что? Я не...

– Я не говорю тебе с ним спать, – Тетлас презрительно фыркнул. – Для таких заданий у нас всегда были свои агенты – не делай такое лицо, будто не знала об этом! А ты – дипломат; твое дело – налаживать контакты. Вот и наладь!

– Для чего?

– Святая простота. Держи друзей близко, а врагов – еще ближе. Если его отец был шпионом, может, и у сына это в крови. Завербуем его себе.

Агния подавила в себе желание вскочить и уйти немедленно. Она прикрыла глаза, наклонив голову так, чтобы за шляпкой

не было видно ее лица.

Тетлас был, пожалуй, самым мерзким, отвратительным человеком из тех, с кем ей приходилось работать.

– Я дипломат, сэр. Не шпион. Я не умею и не буду...

– Да брось, – Тетлас махнул рукой. – Вы неплохо провели вместе время – смеялись, разговаривали... Он даже укрыл тебя от холода. Просто продолжай в том же духе – остальное сделают профессионалы. Если, конечно, увидят в нем потенциал.

«Он следил за мной.».

От этой мысли ей стало не по себе.

Тетлас знал все. Каким-то образом он видел все, что происходило прошлой ночью.

Ей стало гадко настолько, что даже затошнило.

– Агния! – гаркнул Тетлас.

Она заставила себя поднять голову. Он ткнул в нее кри-
вым пальцем. На ногте прилип кусочек салата, и Агния машинально это подметила.

– Это не просьба. Это приказ.

«Что я делаю?».

Перед внутренним взором возникло лицо Захара – откры-
тое, улыбчивое. Вспомнились его мысли о ней, то восхище-
ние, что он испытывал.

Она ему нравилась, и нравилась сильно. К ее большому
сожалению, выполнить приказ Татласа будет плевым делом.

Вечер прошел для нее, как в тумане. Она посетила званый ужин у княжны Софии Талановой, где ее все пытали с вопросами о том, как доманские леди ведут себя с мужчинами, кажется, половину фактов она придумала, но женщинам, сидящим вокруг нее, было плевать: они хихикали, наливались румянцем, и вообще – вели себя так, будто никогда в жизни не то что не крутили романы, но даже и в одной комнате с мужчинами не оставались.

Но Агния прекрасно знала: за внешней чопорностью завайцев пряталась истинная натура. Да, официально девушка должна была беречь свою честь до свадьбы; однако многие смотрели сквозь пальцы на интрижки, то и дело вспыхивающие между молодыми людьми.

Иногда эти интрижки приводили к бракам.

– Госпожа Агния, а расскажите нам о том, что происходит между вами и графом Дубовским!

Агния вздрогнула, возвращаясь в реальность из пучины своих мыслей.

– Простите?

Дамы захихикали.

– Да весь свет уже шепчется о вас, – София доверительно наклонилась вперед. – Видели, как вы на балу мило ворковали, а после – танцевали. И ушли одновременно – очень подозрительно!

София случайно коснулась ее локтем, и Агния не преминула воспользоваться этим.

«Наверняка уже спали. По лицу видно – он ей нравится. Ничего, даже если соврет – слухи уже поползли».

Софии нравился Захар. Да так сильно, что разница в возрасте для нее совершенно не играла роли. И Агнию она воспринимала, как соперницу.

Скверные дела.

– Граф Дубовский? – Она сделала вид, будто припоминает. – Да, приятный мужчина и галантный джентльмен. Но вынуждена вас расстроить: мы виделись вчера впервые, и, думаю, более не увидимся.

Разочарование в комнате можно было есть ложкой. Дамы явно настроились на сплетню – а тут такое!

– Но граф так на вас смотрел... – мечтательно протянула Лиззи, самая младшая из присутствующих – вчера у нее прошел первый выход, и девушка была полна впечатлений. – А ведь он вообще не разговаривал с дамами на балах, да и не танцевал – с тех пор, как его жены не стало!

Этот день стал настоящей проверкой на прочность: сможет ли Агния удержать лицо? Не выдаст ли свои эмоции с головой?

София, будто нарочно, никак не убирала свою руку с подлокотника кресла, и Агния воспользовалась ее мыслями, чтобы увидеть себя со стороны.

Конечно, на то, какой ее видели другие, накладывалось их

личное отношение; но Агния уже давно научилась отстраняться от чужих суждений.

В глазах Софии она выглядела раздражающе безучастной. Даже не побледнела, и выглядела так, будто очень хотела помочь, вот только не знала, как.

Софию это раздражало.

– Очень печально, – выдавила Агния, внимательно следя за собой ее глазами.

Лиззи не терпелось поделиться. И, хотя все здесь, кроме Агнии, знали историю, слушали девушку с жадным любопытством.

– Это случилось десять лет назад. Графу тогда только исполнилось двадцать четыре, и он женился на Натали. Говорили, что они очень любили друг друга, и все время ходили вместе: на балы, на прогулки, даже в игорных залах их часто видели!

А потом она забеременела. Вынашивала тяжело; она сама по себе была очень маленькой и хрупкой, а тут еще ребенок! Граф крутился вокруг нее, забросил игры, службу, отвез ее в загородное имение, выписывал ей лучших врачей – только без толку. Графиня умерла во время родов.

Все замолчали, словно отдавая дань памяти несчастной женщине. София откровенно скучала и ждала момента, чтобы сменить тему.

– После этого граф с ума сходил от горя. Пил без меры, проиграл имение в карты, в общем, все было плохо. Но горе

проходит; вскоре граф словно в себя пришел. Поправил дела и уехал в армию; долго его не было, а когда приезжал – все сидел у себя в имении, занимался хозяйством, и в свете почти не появлялся, а если и появлялся – стоял в стороне, говорил только с такими же офицерами, как он сам, а на дам вообще не смотрел. Так что вчера все были весьма удивлены, увидев вас вместе.

– И все-то ты знаешь, Лиззи! – воскликнула одна из дам. Лиззи покраснела:

– Мне матушка рассказывала. Дубовские – наши соседи, моя матушка даже дружила с графиней.

София, наконец, убрала локоть. Поправила волосы и с улыбкой заметила:

– Пожалуй, наша Агния смогла покорить ледяное сердце этого красавца, не так ли?

Агния покачала головой:

– Мы просто пообщались – не более. Уверена, на будущем балу граф обязательно обратит внимание на кого-то еще.

София улыбнулась, прекрасно поняв, на кого намекает Агния.

Поздно вечером, когда Агния уже едва не валилась с ног, она наконец вернулась домой. Пользуясь отсутствием вездесущих слуг, рухнула на кровать, как была, в одежде, и счастливо застонала, скинув неудобные туфли.

Совсем стемнело, и надкусанная луна светила прямо в окно. Агния невольно залюбовалась ею; следом потянулись

мысли о прошедшей ночи...

Агния уткнулась лицом в подушку и застонала. Проклятый Захар будто преследовал ее! Сначала на балу, потом эта ночная прогулка, Тетлас с его гениальными планами, сплетни на званом ужине...

За несколько часов она узнала о нем больше, чем хотелось бы.

Она бы так и уснула в одежде, но узкое в талии платье давило; торопливо расстегнув пуговицы, она швырнула одежду прямо на пол.

У дипломатов Домана была форменная одежда: темно-фиолетовый камзол и брюки. Для дам – соответственно такого же цвета и материала плотное платье с золочеными пуговицами. Агния ненавидела его всей душой.

Она разлохматила волосы. Шпильки с оглушительным звоном рассыпались по полу.

Теперь, с распущенными волосами, в одной лишь нижней рубашке она наконец почувствовала себя живой.

– Пропади ты пропадом, Захар Дубовский, – пробормотала она.

Агния встала, намереваясь все-таки подобрать одежду – и замерла. Только теперь она заметила на своем рабочем секретере впечатляющих размеров корзину цветов.

Не веря своим глазам, она подошла ближе, вдохнула сладковатый аромат. Это был необычный букет из самых простых цветов – ромашки, колокольчики, горечавки, какие-то

необычные цветы, которым она даже названия не знала...

Но отправитель попал в точку – именно такие цветы она и любила.

– Что за...

Она заметила плотный конверт сиреневого цвета. Торопливо вытащив из него письмо, написанное на такой же бумаге, она поднесла его к лампе, чтобы в неясном свете разобрать строки.

«Спасибо за прошедшую ночь. Ваши глаза пленили меня; я надеюсь увидеться с вами вновь.

Граф Дубовский.»

– Ну еще бы! – пробурчала Агния, пряча лицо в ладонях.

Он не помогал ей. Он только все усложнял своей симпатией.

Насколько бы все было проще, если бы он оказался гулякой, повесой, охотящимся за очередной юбкой! Они могли бы просто провести пару ночей – и разойтись, довольные друг другом.

Но граф, судя по всему, был весьма серьезен. И, кажется, она ему действительно понравилась – это было видно и без чтения мыслей.

А она? Он ей нравился?

Она не успела дать себе ответ – ночную тишину пререзал резкий стук в дверь.

Агния торопливо спрятала письмо под подушку, кое-как поправила волосы, накинула халат. В глазах отчего-то щипало.

– Войдите!

На пороге возникла служанка.

– Госпожа Далия, вас вызывают к аппарату.

Агния выпрямилась. К горлу подступил ледяной ком.

– Кто?

Служанка покачала головой:

– Не представились. Говорят, срочно...

«Этот день никогда не закончится».

Агния торопливо спустилась вниз, к аппаратной, в которой и находился телефон. Трубка уже дожидалась ее – холодная, тяжелая, всего пару лет как вошедшая в обиход.

Чудо инженерной мысли, позволяющее связываться с другими людьми через большие расстояния.

Служанка выскользнула за дверь, позволяя Агнии ответить в одиночестве. Та присела, несколько долгих мгновений молча глядя на трубку.

Такие срочные ночные звонки никогда не несут за собой ничего хорошего.

– Агния Далия, – хрипло произнесла она в трубку.

На той стороне долго молчали.

– Это Леонард.

Она вздохнула. Ну, конечно же – кто еще это мог быть?

– Тебя давно не было слышно.

– Как и тебя. Много работы.

– И у меня. – Она замялась. – Отсюда я делаю вывод: ты не просто так со мной связался.

Леонард молчал долго, так долго, что ей показалось, что их разъединили.

– Он вернулся. Ноа связался со мной.

Вот и все. Сердце сделало кульбит.

– Что он хочет? – Агния поразилась тому, как спокойно звучит ее голос.

Хотя внутри все горело.

– Пока не знаю. Он написал... Сказал, что скоро все изменится. Хочет встретиться с нами, обсудить что-то. – Агния, конечно, не видела – но буквально почувствовала, как собеседник покачал головой. – Мне это все очень не нравится. Не знаю, что и думать...

Агния молчала долго. Думала. Соображала.

– Он наш брат, Леонард. – Подумав, добавила: – мы с ним близнецы, если ты помнишь. Я всегда чувствовала, что он вернется.

– Да, да. Эта ваша близнецовая связь...

– Ты так и остался скептиком.

– Не думаю, что слово «скептик» подходит относительно к ситуации, в которой мы находимся. Ты используешь дар?

– Конечно. Мне хватило того случая, когда меня...

– Да. Именно. Невилл так и не использует. Не хочет. Отрицает.

– Ты ему уже сообщил?

– Отправил Вильгельма. Так надежнее; сама знаешь, какой Нев вспыльчивый.

Агния нахмурилась:

– А как быть с Тео? Он же...

– Поэтому я и позвонил. Хотел посоветоваться.

– Ему нужно все рассказать. Он уже взрослый, он поймет.

– Без дара Ноа это будет проблематично. Он может просто не поверить.

– Но он наверняка использует дар. Покажем ему свои, и у него не останется выбора, кроме как поверить, правда же?

Леонард хмыкнул.

– Это уже не будет тот Теодор, Агни. Знать – одно. Поверить – другое.

– Тогда мы можем не говорить ему ничего. Насколько я знаю, у Тео прекрасная, налаженная жизнь – может, пусть так и остается?

– Ноа настаивал, что ему нужны все.

– Ох. Надрать бы ему уши!

– У тебя будет шанс. Когда мы встретимся.

– Я... не знаю, Лео. Я в Завии, у меня много работы. Я не знаю, какую причину придумать, чтобы мне позволили вернуться в Доман.

– Время есть. Он ждет нас весной.

Агния почувствовала облегчение:

– Отлично. Значит, успеем все обдумать.

– Мне не по себе, – признался вдруг Леонард. – Я старший, но мне страшно. Ноа всегда был... Самым необычным из нас. Я боюсь его и его дара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.